

К. Корнелисен

ФРОНТОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА¹

Более двадцати лет мы молчали, теперь же у людей появилась внутренняя возможность рассказать, ибо уже не начертано надо всем этим «напрасно».

Герхард Румтер, 14 янв. 1936 г.

События августа 1914 г. у многих немецких интеллигентов вызвали мощное воодушевление. Не только художники, писатели и журналисты, но и многие молодые историки рвались на фронт не в последнюю очередь потому, что надеялись испытать там «переживание абсолютного»². Примечательна в этой связи, прежде всего, необычайно глубоко укоренившаяся убежденность этих людей в том, что война как раз ученому-историку дает возможность значительно обогатить свои знания о действительности и расширить кругозор. Доброволец Ханс Ротфельс, например, в начале войны писал о «непосредственном лицезрении великого чуда — исчезновения индивидуальности»³, и даже в начале 1916 г. немецкий (австрийский) историк Генрих фон Србик из г. Граца находил веские мотивы для своего возвращения на фронт, хотя летом 1915 г. он уже отвоевал положенный срок. Он пишет, что «рассмотрел все, что говорит в пользу отказа от нового участия в военных действиях: жена и ребенок, приостановка научных занятий, которым и так слишком многое мешает, риск для здоровья, далеко не блестящего, и так далее. И все же не могу иначе: сила впечатлений, которые я приобрел летом 1915 года, и величие событий, которые, оче-

¹ Впервые опубликовано в кн.: *Der verlorene Frieden. Politik und Kriegskultur nach 1918* // Hg. J. Dülffer, G. Krumeich. Essen, 2002. S. 311–337.

² *Verhey J.* «Der Geist von 1914» und die Erfindung der Volksgemeinschaft. Hamburg, 2000. S. 211–226. Выражение «переживание абсолютного» принадлежит философу Максу Шелеру. *Scheler M.* Der Genius des Krieges und der deutsche Krieg. Leipzig, 1915. См. также *Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg* // Hg. W.J. Mommsen. München, 1996.

³ *Conze W.* Hans Rothfels // 1983. *Historische Zs.* Bd. 237. S. 314.

видно, еще предстоят, влекут меня неудержимо». В 1915 г. он высказывал сходные соображения в разговоре с венским коллегой Хансом Хиршем: «Это военное время отнюдь не потеряно для ученого: ты получаешь впечатления, которые надолго останутся ценными, без которых потом, когда нынешние тревоги, волнения и жертвы будут позади, ты задним числом ни за что не захотел бы обойтись»⁴.

Ничуть не соответствовали этим надеждам реальные процессы в развитии немецкой историографии после 1918 г. Уже довольно давно Райнхарт Козеллек в одном из своих замечательных историко-антропологических очерков заметил, что исторические познания, приобретенные историками побежденной стороны, как правило, постоянно опережали те знания, которые войны давали победителям, однако этого не скажешь о работах историков Центральных держав, написанных после 1919 г. В большинстве, эти ученые так и не сумели использовать свой фронтовой военный опыт для плодотворного пересмотра традиционных представлений и методов. Многие историки после войны сосредоточились на «нравоучительной дискуссии о невиновности», а серьезное переосмысление прошлого и новое понимание ценностей и методов, несмотря на политический переворот 1918–1919 гг., по существу не состоялось⁵. Начавшаяся сравнительно недавно дискуссия о проводившихся в 1920-е гг. и позднее исторических исследованиях народов и поселений (Volks- und Siedlungsgeschichte) показала, однако, что немецкоязычная историография тех лет совершенно не придерживалась традиционных методологических и теоретических принципов⁶. Стремления к пересмотру политических

⁴ *Srbik H.R. von*. Die wissenschaftliche Korrespondenz des Historikers 1912–1945 // Hg. J. von Kämmerer. Boppard am Rhein, 1988, 52, 59 f.: Brief an Hans Hirsch vom 11. Juni 1915; Brief an Emil von Ottenthal vom 10. Januar 1916; Brief an Wilhelm Bauer vom 23. August 1915, 57f.

⁵ *Koselleck R.* Erfahrungswandel und Methodenwechsel. Eine historisch-anthropologische Skizze // Hg. Ch. Meier, J. Rüsen *Historische Methode*. München, 1988. S. 52 f.; *Stern F.* Die Historiker und der Erste Weltkrieg. Privates Erleben und öffentliche Erklärung // *Transit*. 1994. Bd, 8. S. 116–136. О влиянии «синдрома Версаля» на творчество немецких историков см.: *Corneließen Ch.* «Schuld am Weltfrieden»: Politische Kommentare und Deutungsversuche deutscher Historiker zum Versailler Vertrag 1919–1933 // *Versailles 1919. Ziele-Wirkung-Wahrnehmung* / Hg. G. Krumeich. Essen, 2000. S. 291–316.

⁶ *Faulenbach B.* Die Ideologie des deutschen Weges. Die deutsche Geschichte in der Historiographie zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1980. О народной истории и генезисе «народно-исторических научных сооб-

событий, усилившиеся после Версальского мира, привели, особенно в области «исследования народности» (*Volkstumsforschung*), к внедрению картографических и статистических методов в немецкоязычной исторической науке. Тогда же начинало формироваться междисциплинарное сотрудничество историков с лингвистами, демографами, а также социологами.

Не менее противоречивый результат дает рассмотрение вопросов об изучении немецкими историками Первой мировой войны и о литературном творчестве ученых, отображавшем их сугубо личное прошлое периода 1914–1918 гг. С окончания Первой мировой войны и до начала 1960-х гг. в научном творчестве бывших солдат обнаруживаются сложные процессы переосмысления и новой расстановки акцентов. Именно они стали причиной того, что поражение в войне и его последствия, сказывавшиеся на протяжении ряда лет после 1918 г., постепенно вытесняли, трансформировали и канализировали как сами воспоминания о войне, так и ее историографические отображения⁷. Вместе с тем, после 1918 г. для некоторых представителей военного поколения Первая мировая война, очевидно, оставалась живой реальностью в такой мере, что мы вправе считать, что прошлое для этих людей по-настоящему не стало прошлым. Марбургский историк Вильгельм Моммзен в 1940 г. настойчиво подчеркивал это обстоятельство: «Тот, кому было дозволено носить серую солдатскую шинель в горделивой битве мировой войны — неважно, каким был ее исход — не был бы немцем, если бы, сняв эту шинель, отказался от духа, который вдохновлял его, когда он ее носил»⁸. Начиная с 1919 г. аналогичный взгляд прослеживается и в размышлениях других бывших фронтовых бойцов. Например, Ханс Херцфельд после окончания войны писал о 1914–1918 гг. как о времени, «когда мы воспринимали внешний мир, наверное, предельно интенсивно и с незабываемой яркостью»⁹.

ществ» см.; *Fablbusch M.* Wissenschaft im Dienst der nationalsozialistischen Politik? Baden-Baden, 1999; Haar I. Historiker im Nationalsozialismus. Göttingen, 2000. См. также: *Deutsche Historiker im Nationalsozialismus* / Hg. W. Schulze, O.G. Oexle/ Frankfurt am Main, 2000.

⁷ *Koselleck R.* Der Einfluß der beiden Weltkriege auf das soziale Bewußtsein // Hg. W. Wette. *Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten.* München, 1992. S. 331.

⁸ *Mommsen W.* Politik und Kriegführung. Marburg, 1940. S. 23.

⁹ Brief Hans Herzfelds an Siegfried A. Kaeler vom 4. April 1958 // *Ritter G.A.* Hans Herzfeld. Persönlichkeit und Werk / Hg. O. Busch. Berlin, 1983. S. 21. По мне-

Влияние таких оценок на историографические работы отдельных историков фронтового поколения далее не анализируется во всей полноте. Наша задача скромнее — представить очерк, в котором на отдельных значительных переломных моментах в содержательном и временном анализе исследуется характер работы историков фронтового поколения, на протяжении десятилетий занимавшихся вопросами Первой мировой войны. Основополагающие предварительные размышления несколько лет назад опубликовал Эрнст Шулин¹⁰, однако, его соображения нуждаются в углублении, необходимо также расширение временных рамок и привлечение новых обоснований с учетом прежде неизвестных источников. В центре нашего внимания — эволюция фрайбургского историка Герхарда Риттера. Уже вскоре после перемирия 1918 г. военные впечатления этого солдата, который провоевал более трех лет как на Восточном, так и на Западном фронте, приобретают форму записанных воспоминаний. И уже тогда Риттера интересуют вопросы о причинах войны и ее последствиях. В 1919 г. Риттер неоднократно обращался к листовке, написанной полковником Максом Бауэром и озаглавленной «Могли ли мы войны избежать, войну выиграть или прекратить?» Ученого не устраивают утверждения Бауэра о неполном осуществлении плана Шлиффена, не устраивает и его допущение о том, что германская армия вплоть до лета 1919 г. могла продолжать бои. «Это соответствует Шлиффену?» — пишет он на полях опубликованной листовки в 1919 г.¹¹

нию Зигфрида А. Кэлера, которое он высказал в 1929 г., пережитое во время Первой мировой войны было «уникальным для осознания нашей современности». См.: *Kaeler S.A. Vom geschichtlichen Erlebnisgehalt der Versailler Schuldthese*. Breslau, 1929. Людвиг Дейо после Второй мировой войны 18 января 1946 г. написал по требованию американских оккупационных властей автобиографию, в которой, говоря о своей солдатской службе на Первой мировой, пояснил: «В армии я в целом чувствовал себя хорошо, контраст с моей прежней жизнью ученого чрезвычайно благотворно на меня подействовал...» Staatsarchiv Marburg, Bestand 307d, Nr. 411, Acc. 1967/11 (Depositum der Philosoph. Fak. der Universität Marburg). Эти сведения о Дейо мне любезно сообщил г-н Томас Беккер в г. Дюссельдорфе.

¹⁰ *Schulin E. Weltkriegserfahrung und Historikerreaktion //Hg. W. Küttler u.a. Kriesenbewußtsein, Katastrophenerfahrungen und Innovationen 1880–1945*. Frankfurt a.M., 1997. S. 173–178.

¹¹ Личный экземпляр написанной Риттером аннотации книги Бауэра находится в научной исторической библиотеке Университета им. Генриха Гейне в Дюссельдорфе.

Окончательный ответ на этот вопрос Риттер находит лишь в ходе работы над четырехтомным исследованием «Искусство государственности и ремесло войны», последняя часть которого вышла уже после смерти автора в 1968 г. Но даже та первая пометка на полях свидетельствует о том, что его воспоминания о войне не были стабильными, а были продиктованы конъюнктурными соображениями. Они изменялись, начиная с 1918 г., по мере рассмотрения Риттером конкретных последствий войны, отчасти были полностью пересмотрены им и, как будет показано ниже, под впечатлением опыта тотальной Второй мировой войны побудили Риттера к углубленному научному изучению истории Первой мировой войны.

Таким образом, поскольку далее мы намерены исследовать продолжающееся присутствие Первой мировой войны в сознании многих немецких историков фронтового поколения, необходимо более строго, чем это делалось раньше, подойти к вопросу о диахронии представлений о последствиях войны, а также о зависимости этих представлений от военных воспоминаний и постоянно приумножавшегося нового, актуального опыта¹². В этом отношении нужно хронологически уточнить и изучить четыре фазы, начиная с первой, 1914–1918 гг., когда военные события в жизни каждого историка преломлялись по-разному, в зависимости от места прохождения службы и ее срока. Вторая фаза охватывает период после поражения Австрии и Германии и до середины 1930-х гг. Для этого периода отмечается амбивалентность оценок, которая в трудах историков проявляется в самых разнообразных прямых и косвенных высказываниях о военных событиях. С другой стороны обращает на себя внимание упорное молчание авторов об их участии в войне и собственных военных впечатлениях. Третья фаза охватывает годы от «военной суверенности» при национал-социализме и до окончания Второй мировой войны. Здесь можно отметить при-

¹² Странно, что этот вопрос почти не заинтересовал авторов сборника *Kriegsende 1918. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung* / Hg. J. Duppler, G.P. Groß. München, 1999. Влиянию современной исторической науки там, впрочем, и вообще уделено мало внимания. О развитии новейшей историографии см.: *Thoß B. Militärische Entscheidung und politisch-gesellschaftlicher Umbruch. Das Jahr 1918 in der neueren Weltkriegsforschung*. Там же С. 17–37. О новейших методологических воззрениях см.: *Rosenthal G. Erzählbarkeit, biographische Notwendigkeit und soziale Funktion von Kriegserzählungen // Der lange Schatten. Widersprüchsvolle Erinnerung an den Zweiten Weltkrieg aus der Mitte Europas 1939–1989* / Hg. K. Hartewig. Opladen, 1993. S. 6–24.

мечательную интенсивность научных исследований Первой мировой войны, предпринятых бывшими фронтовиками. Наконец, мы сделаем некоторые выводы о наличии последовательности в отношении историков к событиям Первой мировой войны и о попытках пересмотра оценок и суждений в период до середины 1960-х гг., то есть до начала спора вокруг трудов Фишера.

Пережитое на войне немецкими историками фронтового поколения

«Жизнь в Менине великолепна. Делать вовсе ничего не надо. Живу в славном, чистом и уютном доме, здесь всюду старинный фарфор, начищенная латунь, есть красивый маленький садик. Рисую и езжу верхом. Последнее — с великим удовольствием. <...> На рыночной площади бывают концерты, словом, у нас тут небольшой гарнизон в условиях тишайшего мира».¹³ Это отрывок из письма Людвиг Дейо от 18 июля 1915 г. В то время его автор находился на отдаленных от фронта позициях немецких оккупационных войск в Бельгии и исполнял обязанности «судебного офицера», то есть жизнью не рисковал. По его собственному признанию, жилось ему почти как «помещику» (письмо от 18–20 сентября 1915 г.).

Многочисленные упоминания о «нервном напряжении», заметном у многих солдат, которых приходилось допрашивать в связи с «самовольными отлучками» и прочими проявлениями «трусости», говорят, впрочем, еще и о том, что жизнь в отдалении от передовой не исчерпывалась личными коллизиями и интригами среди «честолюбцев, мечтающих об орденах», на которые постоянно жалуется Дейо (28.07.1915).

Несколькими месяцами ранее Дейо пришлось пережить нечто совсем иное. В ноябре 1914 г. он, ротный командир, впервые оказавшись на передовой, изведаль, «что такое артиллерийский огонь». Большинство офицеров, призванных из запаса, в такие моменты, как отмечает страсбургский историк Дейо, «ужасные нервные переживания были не по силам». Однако он не хотел бы отказаться от опыта тех лет: «В известных временных рамках здешняя жизнь невероятно привлекательна». В связи с дальнейшим развитием боевых действий на Западном фронте, в апреле 1915 г. он даже вообразил, что находится «в средоточии мировой истории».

¹³ Копии писем Людвиг Дейо любезно предоставлены г-ном Георгом Дейо из г. Реппенштедта. Все цитируемые места заимствованы из его собрания.

Но через несколько недель война предстает ему во всей своей беспощадностью. В начале мая в блиндаж, где находился Дейо, попадают три зажигательных снаряда: «Я не уверен в своих нервах, так что не буду это описывать. Кругом убитые, умирающие, задыхающиеся, заваленные деревянными конструкциями, невозможно пошевелиться, удушьяющий дым...»¹⁴. Дейо тогда спасли; после войны он вошел в число тех немецких историков, которые, вместе с другими участниками войны, стали прототипами возвышенного, облагороженного и зачастую мифического образа фронтовика, активного воина.

Первая мировая война имела длительное влияние на общественные настроения и образ мыслей современников после 1918 г., о чем сохранилось немало свидетельств. Не было недостатка и в попытках рассказать об этом воздействии войны на различные поколения. В особенности это относится к поколению фронтовиков, то есть людей, родившихся в период трех последних десятилетий XIX в.¹⁵ Среди наиболее примечательных высказываний об этом поколении заслуживают внимания наблюдения Эрнста Гюнтера Грюнделя, который уже в 1932 г. предпринял дифференцированное исследование военных впечатлений людей, принадлежавших к различным возрастным группам, и имевшим соответственно различный жизненный опыт. В работе Грюнделя плодотворно, прежде всего, разграничение возрастных групп призывников, которые «отправились на войну, разом оставив более или менее надежное положение в жизни и стойкое мировоззрение», и солдат 1890-х гг. рождения, т.е. более молодых людей. Эта молодежь, — пишет Грюндель, — «совсем зеленая, все остро воспринимающая, а острее всего — великое и ужасное». И как раз в их рядах, — отмечает Грюндель, — следует искать подлинных носителей «военного и фронтового опыта».

Данная мысль Грюнделя требует дальнейшей конкретизации, однако в глаза сразу бросается то, что после 1919 г. военные наиболее молодого возраста быстрее, чем их более старшие товарищи выразили

¹⁴ Пражский историк Антон Эрнстбергер во время Первой мировой войны пережил еще более тяжелое событие. Он был ранен и, поскольку его считали мертвым, едва не похоронен. Спасла его только случайность — один из солдат заметил, что он жив. См.: *Fuchs W.P.* Anton Ernstberger 1894–1966 // *Jb für fränkische Landesforschung*. 1967. Bd. 27. S. 1–14.

¹⁵ На войну не призывались лица 1900–1901 гг. рождения. *Gründel E.G.* Die Sendung der jungen Generation. Versuch einer umfassenden revolutionären Sinn- deutung der Krise. München, 1932. S. 24.

свое стремление дополнить традиционные методы историографии новыми и заниматься новой тематикой¹⁶.

За исключением немногих, например, мюнхенца Карла Александра фон Мюллера, историки после 1919 г. располагали значительным военным опытом, какого не было у их современников и коллег, а именно опытом непосредственного участия в военных действиях¹⁷. Грюндель полагает, что именно тогда каждый отдельный человек «возможно, постиг последние основы бытия».

Однако на деле так называемые фронтовые впечатления, о которых мы судим на основе оставленных фронтовиками свидетельств, (при том, что источники и документы зачастую имеют фрагментарный характер), многое предстает в совершенно ином свете¹⁸. По дошедшим до нас подлинным письмам с фронта и воспоминаниям немецких историков — участников войны, восстанавливается очень противоречивая картина. Героическое возвеличивание собственных боевых заслуг и описание своего участия в боях встречается крайне редко. На переднем плане обычно находится опыт, связанный с превращением динамичной войны в позиционную, и все тяготы, вытекающие из неимоверно трудных условий окопной войны, но... отчасти и «приятные» ее свойства¹⁹.

О подобных впечатлениях рассказывает, например, в своих письмах Л. Дейо. Он писал их в ноябре 1914 г., находясь на Западном фронте в Бельгии и поначалу пребывая, по его словам, «в настроении веселом,

¹⁶ Список немецких, австрийских и швейцарских историков-фронтовиков не является полным и заимствован из издания: *Biographisches Lexikon zur Geschichtswissenschaft in Deutschland, Österreich und der Schweiz; die Lehrstuhlinhaber für Geschichte von den Anfängen des Faches bis 1970* / Hg. W. Weber. Frankfurt a.M., 1984. Автобиографические и биографические данные нами почерпнуты в следующих справочно-биографических работах: *Biographische Enzyklopadie; Wer ist's (1928; 1935); Neue Deutsche Biographie; Badische Biographien; Kürschners Deutscher Gelehrtenkalender*; и мн. др.

¹⁷ Подробная информация о старшем фронтовом поколении немецких историков в форме таблицы опубликована в немецкой версии статьи. См.: *Der verlorene Frieden. Politik und Kriegskultur nach 1918* // Hg. J. Dülffer, G. Krumeich. Essen, 2002. S. 311–337.

¹⁸ *Ulrich B., Ziemann B. Das soldatische Kriegserlebnis* // *Der Erste Weltkrieg* / Hg. W. Kruse. 2. Aufl. Frankfurt a.M., 2000. S. 127–158.

¹⁹ *Frontalltag im Ersten Weltkrieg. Wahn und Wirklichkeit* / Hg. B. Ulrich, B. Ziemann. Frankfurt a.M., 1994; *Ulrich B. Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914–33*. Essen, 1997.

а то и разудалом»²⁰. До своего тяжелого ранения в мае 1915 г. страсбургский историк много раз участвовал в боевых действиях. В первое время он испытывал «сильное любопытство к окопам» (18.11.1914) и находил, что «здешняя жизнь необычайно интересна» (19.11.1914). Но весьма скоро в письмах появляются жалобы на «невыносимую, непостижимую грязь», которая все больше отравляла будни солдат в условиях позиционной, окопной войны. Несмотря на все трудности, и понимая, что ни своя армия, ни противник не могут хотя бы немного продвинуться вперед, Дейо в декабре 1914 г. еще мечтает об основании немецкой «Средней империи» в Европе. Тут Дейо проявил себя как восприимчивый объект немецкой военной пропаганды, — он полагает, что основание такого государства это первоочередная задача Германии в войне. А «вторая — поквитаться с Англией» (5.12.1914). Кроме того, Дейо все больше симпатизирует идее «присоединения Бельгии». Ему кажется, что немецкий народ, в сущности, совершенно наперекор собственной воле принужден «вспомнить старую империю и старые задачи». А, вспомнив, он в будущем определенно сможет «вместе с Америкой, Англией и Россией осуществить покорение и раздел мира». Но в то же время Дейо сознает, что именно фронтовые бойцы «не имеют никаких известий об общем положении» и соответственно не могут серьезно о нем судить. Эта мысль перекликается с содержанием писем Зигфрида Кэлера, которые, однако, отличаются трезвостью оценок. Так, Кэлер, которого сначала не взяли на службу из-за слабого здоровья, но с октября 1915 г. все же приняли солдатом-добровольцем на Западный фронт, в том же месяце констатировал, «что неудача наступления на востоке и новое наступление на западе должно было открыть глаза опьяненным победами пангерманцам на то, что мы не выступили в поход ради покорения мира, а все еще вынуждены воевать за сохранение нашего народа и нашего государства». И позднее ни о радости по поводу победы, ни о желании завоевать весь мир в его письмах нет речи, Кэлер, напротив, пишет, что ощущает свою зависимость от неких сил, неподвластных влиянию отдельного человека²¹.

Сходное признание мы находим в письмах Герхарда Риттера. До начала войны он был преподавателем гимназии в Магдебурге. На вой-

²⁰ Письмо Людвигу Дейо родителям от 12 ноября 1914 г.

²¹ *Bußmann W. Siegfried A. Kaeler: Persönlichkeit und Werk. Ein Essay // Siegfried A. Kaeler: Briefe 1900–1963 / Hg. von W. Bußmann, G. Grünthal. Boppard am Rhein, 1993. S. 47.*

не он исполнял различные обязанности. Назовем лишь некоторые: Риттер был активным бойцом, наблюдателем сражений и их «истолкователем», пропагандистом. В качестве наблюдателя Риттер предстает на страницах своих писем уже вскоре после прибытия на Восточный фронт — 5 апреля 1915 г. В середине апреля он пишет родителям: «Наблюдать сражение невероятно интересно. Ведь, сидя в земляных укрытиях, почти всегда играешь роль зрителя». После битвы на Сомме, в которой Риттер принимал участие с 30 августа по 18 сентября 1916 г., в одном из писем он отмечает: «То, что я там видел, дало мне во всех отношениях новое понимание этой войны»²².

Весной 1917 г. Риттер участвовал в отражении двух мощных атак французов, после чего от его бывшего оптимизма относительно возможностей успешного прорыва немецкой армии не осталось и следа. Подобная мысль, пишет он, — полнейшая чушь, как и вообще помышления о каком-либо оперативном движении: «Если все холмы и деревни кишат людьми, битком набиты пулеметами и пушками, то нет никакого ведения войны, с обеих сторон происходит лишь тупое массовое убийство»²³. И в марте 1918 г. он сообщал как очевидец военных событий: «Здесь происходят очень странные вещи, война еще никогда не была так интересна, как теперь. Если бы только интерес к войне вообще всем уже не осточертел»²⁴. В остальном записи Риттера отражают специфический опыт позиционной войны, осознание противоположности между фронтом и родиной, между военными и гражданским населением. И в последнем случае Риттер обсуждает конфликты между офицерами и рядовыми, а также сложности, связанные с разным уровнем образованности у различных чинов.

Темы, затронутые немецкими историками в письмах с фронта, во многом совпадают с тем, что отражено Марком Блоком в его «Воспоминаниях» о Первой мировой войне. Однако, если сравнить письма немцев и воспоминания их французского коллеги в плане воздействия на современную историческую мысль, сразу становится ясно: несмотря на

²² Bundesarchiv Koblenz (далее — ВАК), Nl. Ritter, 1166/446. (Открытие Г. Риттера родителям от 21 ноября 1916 г. См. также письмо Л. Дейо его бабке от 23 апреля 1915 г.).

²³ Письмо Г. Риттера к Г. Витте от 16 мая 1917. С. 202 и след. См.: Gerhard Ritter: Ein politischer Historiker in seinen Briefen / Hg. K. Schwabe, R. Reichardt R. Boppard am Rhein, 1984. (далее — Ritter, Briefe).

²⁴ Письмо Г. Риттера к родителям от 17 марта 1918 г. ВАК, Nl. Ritter, 1166/448.

многочисленные чисто формальные моменты сходства в восприятии, непосредственное синхронное осмысление историками конкретных, лично пережитых событий определялось содержимым «интеллектуального солдатского ранца» этих ученых-фронтовиков. Иначе говоря, тем, как ими был осмыслен и психологически переработан материал военных событий непосредственно во время войны. Очевидное различие состояло в том, опиралось ли это осмысление событий войны на методические положения такого философа как Эмиль Дюркгейм, что очевидно в «Воспоминаниях» Блока, или же на идеалистическое самосознание последователя Л. Ранке, каким был Риттер, иначе говоря, на политический консерватизм историка конца эпохи Вильгельма. Различным был путь социализации историков, различались социальные и религиозные условия среды, из которой они происходили. Благодаря этим факторам происходила фильтрация событий, а их осмысление приобретало то или иное направление²⁵.

Например, Дейо, сына искусствоведа, как ни странно, оставляет без комментариев вызванные войной разрушения. Судя по его письмам, он, скорее, воспринимал «мир на войне за линией фронта» (20.11.1915) как неплохую возможность совершать дальние верховые прогулки и обстоятельно описывать ландшафты и города. Неслучайно он постоянно носил с собой блокнот для эскизов. Осматривая Турне, город с множеством построек XIV в., он «научился высоко ценить это время» (15.11.1915). И даже стал «вдохновенным почитателем» бельгийских ландшафтов, а 23.08.1915 написал своей бабке: «Я стал исключительно зрителем. Ночью стою перед моим баракком, смотрю, как озаряют горизонт трепещущие конусы света прожекторов и вспышки взрывов, слушаю шум и гул тяжелых орудий и прочие ночные звуки, выстраиваю разные военные и политические комбинации». Однако ни в те дни, ни после войны Дейо не почувствовал потребности в осмыслении своих наблюдений под углом зрения историка. Вместо того он с известным оптимизмом взвешивал шансы на успех экспансии Германской империи, которая должна была бы следующим ударом «пробить стену мелких государств, отделяющих нас от Турции». А «последний удар» будет нанесен по Кале и отсюда — по Англии, так как иначе не видать немцам покоя. Конечно, при такой занятости этими планами у Дейо не оставалось времени на проблемы исторического восприятия событий. Нечто подобное мы

²⁵ *Kosellek*. Der Einfluß der beiden Weltkriege. S. 326 f. О реакции британских и американских историков в их работах см.: *Stern*. Die Historiker...

наблюдаем и в случае гамбургца Перси Эрнста Шрамма, который в возрасте 19 лет пошел воевать добровольцем, но на фронте вскоре отрезвел и проникся отвращением к пафосу, царившему в буржуазных кругах, выходцем из которых он был. Хотя наставник Шрамма Аби Варбург еще во время войны настоятельно подчеркивал, что Шрамму нужно побыстрее научиться «все-таки смотреть на мир глазами историка», Шрамм на протяжении всей войны обольщался иллюзиями насчет победы германского оружия²⁶.

Блок, напротив, отличался большой чуткостью и мог опираться на свой опыт научной социализации, состоявшейся еще до войны; будучи наблюдателем, он обратил внимание на то, какое большое значение в условиях позиционной войны приобретает местность, где приходится действовать людям, а также морфология ландшафта. Отсюда им были сделаны выводы о психологии и познавательных способностях участников войны. Кроме того, в «Воспоминаниях» Блок обсуждает центральную философскую проблему познания времени в условиях войны. Ученому удалось постичь феномен растяжения и сокращения субъективного времени, а также зависимость восприятия времени от реальной и воображаемой степени опасности, который он понимает как важный элемент эпистемологической проблематики. По его мнению, не «реальное» время было действительно важно, а существование времени в системе тех или иных смысловых сетей. Как убедительно показал Ульрих Раульфф, особые условия позиционной войны стали для Блока определяющими факторами «продуктивного перелома в восприятии», поскольку Блок сумел внимательно проследить историческую динамику ландшафта в позиционной войне²⁷. Но нам ничего не сообщается о фронтовом опыте, который между тем и побудил французского историка в 1920-х гг., изучая роль и воздействие слухов, сформулировать известный тезис о «высказываниях, объективно непригодных для

²⁶ *Grolle J.* Der Hamburger Percy Ernst Schramm — ein Historiker auf der Suche nach Wahrheit. Neumünster, 1989. S. 13.

²⁷ *Bloch M.* Souvenirs de Guerre, 1914–1915 (=Cahiers des Annales 26). Paris, 1969. Речь идет о дневниковых записях с 10 августа 1914 до 5 января 1915 г. См. также: *Bloch M.* Ecrits de guerre 1914–1918 / Hg. A.-R. von Stephan Paris, 1997; *Bloch M.* Reflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre [1921]; *Bloch M.* Histoire et Historiens. Paris, 1995. P. 147–166; *Bloch M.* Aus der Werkstatt des Historikers. Zur Theorie und Praxis der geschichtswissenschaft. Frankfurt am M., 2000; *Raulff U.* Marc Bloch. Ein Historiker im 20. Jahrhundert. Frankfurt am.M., 1995. S. 99 f.

сообщения истины»; однако, с методической точки зрения эти работы были проникнуты духом позитивизма²⁸.

В годы войны немецкие историки, как уже отмечалось, делали аналогичные наблюдения, о чем свидетельствуют письма с фронта. В них достаточно намеков на то, какую роль играли слухи. Однако немецкие историки подходят к данному материалу, как и к другим вопросам, иначе, нежели Блок. Одной из причин этого можно считать примечательную готовность историков прямо-таки «охотно» принимать на веру ложные, но внушавшие оптимизм слухи о военном положении немцев. У Риттера эта черта, очевидно, была обусловлена его христианским, протестантским, вероисповеданием и приверженностью прусскому идеалу верности долгу, который застил историку глаза не хуже пропагандистского тумана. В условиях позиционной войны с ее бесплодным ожиданием Риттер, конечно, понял, что возможность быть убитым воспринимается человеком «совсем не как “смерть героя”, не как собственное деяние и достижение». Сам себе поэтому «вовсе не кажешься великим, — наоборот, ощущаешь себя крохотным, игрушкой в незримой руке, “пылинкой на катящемся колесе” — и все же в глубине души чем-то большим»²⁹. Свои сомнения, высказанные в данном письме и во многих других, убежденный протестант Риттер снова и снова отмечает³⁰. Это же происходит и тогда, когда Риттер испытывает принципиальные сомнения относительно смысла германской военной авантюры в целом. Он и тут находит утешение в своей непоколебимой вере «в незримое руководство со стороны божественной воли». Ничего не поделаешь: «Надо снова и снова черпать мужество в невыносимо трудной вере в будущее нашего народа, на которое влияют тысячи разных страхов, в волю творца, сокровенно — в глубочайшей тайне — направляющей мировые события согласно велениям разума, против которого, правда, восстает наш рассудок и все наши человеческие чувства. <...> Отдаться этой таинственной, незримой и благой творческой воле <...>

²⁸ Raulff U. Marc Bloch. Ein Historiker im 20. Jahrhundert. S. 145–148.

²⁹ Письмо Г. Риттера к родителям от 24 августа 1916 г. ВАК, Nl. Ritter, 1166/446a.

³⁰ Письмо Г. Риттера к родителям от 31 августа 1916 г. Там же. Характерны и его размышления о фронте родины, например, в письме к Г. Витте от 12 декабря 1914 г: «Природа пылинки, свойственная нашему жалкому земному бытию, проповедуется тут буквально громоподобно и каждый день на новый лад». Ritter. Briefe.

и обрести в ней покой — как же это трудно»³¹. Даже вспоминая фронт в первые послевоенные годы, Риттер по-прежнему считает «сильное чувство простого долга» единственным руководящим принципом собственных поступков и мыслей; выстроенная им последовательность весьма показательна для самосознания Риттера: «Против Бога, против отечества, против тебя самого»³². Этот, понимаемый специфически по-немецки, «идеализм долга» Риттер с первых дней войны исповедует непреклонно. И в этом он был далеко не одинок среди немецких историков фронтового поколения. Даже католик Франц Шнабель, в годы войны весьма сдержанно относившийся к требованиям экономической автаркии и культурной автономии Германии, которые выдвигались, прежде всего, Вернером Зомбартом, все же попал под влияние «идей 1914 года». Конфессиональное перемирие с братьями по оружию — протестантами — не заставило Шнабеля забыть о своей привязанности к французской культуре, и все-таки во время войны мысль о германской геополитике, подчиненной культурной миссии немцев, нашла у него отклик³³.

Неослабевающая память о войне и молчание историков после 1919 года

«Позвольте мне умолчать о нашей ужасной катастрофе; я хотел бы лишь одного — снова надеть военный мундир и снова воевать моими малыми силами, но не с внешними врагами, а с разрушителями Австрии и славянскими ненавистниками нашего народа». Это гневная тирада Србика в письме Освальду Редлиху от 30 октября 1918 г. заключает в себе два момента, которые, несомненно, важны для понимания образа мысли историков — участников войны в первые годы после 1918 г. Во-первых, здесь отразилось настроение глубокой подавленности,

³¹ Письмо Г. Риттера к Маргарете Риттер от 1 мая 1917 г. Staatsarchiv Marburg, Nl. Karl Bernhard Ritter, 340 Ritter b, Nr. 146. Близки к этому высказывания Риттера в письмах к родителям от 20 марта и от 4 апреля 1917 г. «Чувствуешь лишь сильную жестокую руку того могущественного, кто мудро направляет все чудовищное целое!» ВАК, Nl. Ritter, 1166/446a.

³² Ritter G. Rede auf die gefallenen Philister // Dem Gedächtnis der im Weltkrieg 1914–1919 gefallenen lieben Philister, Inaktiven und Aktiven des Heidelberger Wingolf gewidmet S. l. [1919]. S. 8f.

³³ Hertfelder Tb. Franz Schnabel und die deutsche Geschichtswissenschaft, Bd. 1. München, 1998. S. 126–140.

вызванное поражением и революционными событиями в Центральной Европе. Во-вторых, бывший фронтовик говорит о своей готовности снова броситься в бой, но теперь уже вести войну не только против внешних, но и против внутренних врагов. Эта оценка положения в то время была характерной для многих историков. Кэлер также в ноябре 1918 г. размышлял о том, что у него еще есть «офицерская сабля», которую он «заслужил перед лицом врага», и он «когда-нибудь снова станет солдатом... когда?»³⁴

То же настроение было и у Герхарда Риттера, чье отношение к исходу войны оставалось удивительно неопределенным вплоть до окончания кризиса в Рурской области. В его оценках военных и политических процессов в то время обнаруживается вся широта диапазона от патетических возгласов до точного скрупулезного анализа ситуации. Первые сообщения о поражении Германской империи и о революционном движении повергли Риттера в глубокую депрессию: «Невозможно ни о чем думать, слышать, что-то обсуждать, даже в письмах, кроме постигшей отечество в эти дни столь колоссальной, ужасной беды: генеральное наступление на всех фронтах в двух частях света, предательство в стенах осажденной крепости! Кажется, будто все — давно переплавленные на пушки — колокола родины днем и ночью звонят и уже охрипли от своего горестного вопля: Господи, помилуй! <...> Германия, выдержи в буре атак, выдержи, выдержи!»³⁵ Такого конца войны Риттер не ожидал даже в самые «черные часы». Однако со временем оказалось, что для понимания взглядов и самосознания историка более важно другое — Риттер достаточно рано отметил и позитивное воздействие, которое сломленное «героическое мужество» оказало на характер немцев. С этой точки зрения все жертвы, по Риттеру, действительно не были «напрасными»: «Я уже говорил, что это завершение войны сокрушило меня. И все-таки я верю, при всем горе и всей горечи: не было “напрасным” то, что мы в течение четырех лет, даже дольше, могли выстоять против всего мира, нет, не было ни одной напрасно пролитой капли крови, ни одной слезы, ни одного акта мужественного терпения. И это навсегда останется в нашей истории. Когда-нибудь это принесет плоды для нашего народа...»³⁶. Несмотря на то, что Рит-

³⁴ Письмо Кэлера к Дагмар Лобе от 20 ноября 1918 г. Kaeler, Briefe.

³⁵ Письмо Г. Риттера к родителям от 1 октября 1918 г. ВАК, Nl. Ritter, 1166/446a.

³⁶ Письмо Г. Риттера к родителям от 7 октября 1918 г. Там же.

тер считал поражение Германии в войне катастрофой, его взгляд был устремлен на будущее страны. Ибо «древний великолепный немецкий народ» и в «новом, ставшем тесным и сером мире <...> не даст себя уничтожить». Уже с 1919 г. в письмах Риттера появляются ключевые понятия, которые затем станут центральными в его политической публицистике 1920–1930-х гг. Речь идет об «историческом наследстве» немцев — «авторитете и дисциплине и беззаветной преданности государству»; это наследие, пишет Риттер, однажды еще проявит себя, возможно, — в радикальных государственных формах³⁷.

Кроме того, совершенно очевидно, что представители военного поколения немецких историков после Первой мировой войны сами себя считали сплоченным и постоянно поддерживавшим взаимные контакты сообществом. В их работах, но, прежде всего, в письмах друг другу, мы находим убедительные свидетельства этих взаимоотношений представителей одного поколения. В опубликованных и неопубликованных размышлениях о войне проступает даже нечто вроде миссионерской идеи, которую можно рассматривать как характерную черту мышления этих историков. Как писал в 1935 г. Ханс Ротфельс, они чувствовали себя представителями поколения, оказавшегося «в определенной ситуации, о предпосылках которой, разумеется, говорили неохотно». Это способствовало тому, что о своих собственных военных впечатлениях они не пишут вообще или упоминают их крайне скупно. Ротфельс констатировал также, что для «случайно уцелевшего, чьи индивидуальные мнения и поступки не столь важны», подобное, в сущности, непозволительно: «однако он знает также, что навсегда поставлен “в строй” и обязан передать другим свое завещание»³⁸.

Формы, в которых выражалось это завещание, менялись в зависимости от характера военного опыта, но также и в соответствии с выводами, которые историки из этого опыта сделали. Можно подвести общий итог: почти все фронтовики-историки после 1918 г. были привержены историческому пессимизму, который они снова и снова противопоставляли

³⁷ Письмо Г. Риттера к родителям от 15 октября 1918г. Там же.

³⁸ *Rothfels H.* Ostraum, Preußentum und Reichsgedanke. Historische Abhandlungen, Vorträge und Reden. Leipzig 1935. Vorwort. S. V.; см. также более поздние высказывания Ротфельса: в 1952 г., в лекции по случаю вступления в должность он размышлял о «содержательном опыте поколения, которое пережило две мировые войны весьма различного рода». *Rothfels H.* Zur Krise des Nationalstaates // *Zeitgeschichtliche Betrachtungen*. Göttingen, 1959. S. 124.

самодовольству историков старшего возраста. «Как водится, военные впечатления быстро привели к утрате никчемных иллюзий», — пессимистически отмечает Ханс Херцфельд в своих воспоминаниях о войне, в которых он, как и другие историки, бывшие фронтовики, притязал на воссоздание непосредственной реальной картины тогдашних событий³⁹. Гораздо большую известность получила оценка Зигфрида Кэлера, сформулированная в январе 1919 г.: самого себя, писал он своему преподавателю и руководителю Ф. Майнекке, он уже не причисляет к тем, кто считает, что у отечества вообще есть будущее. Развитие событий ясно показало: «мы не обладаем даже “самостью”, чтобы чувствовать себя неким единством; об этом мы, глупые фронтовые солдаты, когда-то мечтали. То, что произошло, показало, что половина народа, по крайней мере, народа нашей родины, душой были в лагере противника»⁴⁰.

Однако после 1919 г. «фронтовые историки», исходя из соответствующих оценок политического положения, считали себя хранителями «завещания», что побуждало их, как и академических наставников более старшего возраста, невзирая на революционный переворот 1918–1919 гг., продолжать традицию консервативного понимания своего долга перед государством. В этом смысле они и после 1919 г. остались способными учениками своих учителей, которые, кстати, в ряде случаев позаботились о возвращении недавних фронтовиков к научной деятельности. Это привело к тому, что в течение длительного времени Первая мировая война была для историков фронтового поколения непосредственной темой и предметом их исследований, еще чаще вопросы ее истории затрагивались косвенно; однако свой собственный, личный фронтовой опыт подробно не исследовался. Умолчание о личных впечатлениях стало третьей характерной чертой историографии после 1919 г. Так, Фриц Хартунг во время войны подчеркивал, что солдатская жизнь для него «как историка» была «сильным переживанием». Но после войны Хартунг молчит о конкретных личных впечатлениях, и точно так же отмалчиваются многие его сверстники.⁴¹

³⁹ ВАК, Nl. Herzfeld, Bd. 3, 1, 1. Weltkrieg Kriegsfreiwilliger 1914–1915. S. 19.

⁴⁰ Письмо Зигфрида Кэлера к Фридриху Майнекке от 22 января 1919 г. *Meinecke F. Ausgewählter Briefwechsel* / Hg. L. von Dehio, P. Claasen. Stuttgart, 1962. S. 329.

⁴¹ Staatsbibliothek zu Berlin, NL Fritz Hartung, XVI, 1, «Meine Erinnerungen an der Ersten Weltkrieg 1914. Aufzeichnungen begonnen im Juni 1915 im Genesungsheim bei Seelbach, Nachträge im Frühjahr 1918», f.91. См. также: *Schochow W.*

Существенной причиной их молчания было заметное после 1919 г. перенасыщение военных воспоминаний материалами, в которых внимание сосредоточивалось на положениях Парижского мирного договора, многими историками воспринятого как «катастрофа». Начиная с 1918 г., борьба против так называемого «диктата о виновности в войне» и репараций еще больше сплотила все поколения немецких историков. Однако некоторые, хоть и немногие представители старшего поколения, в том числе Фридрих Майнекке и Герман Онкен, еще в момент политического переворота пошли по пути понимания новых условий, тогда как у большинства их учеников сформировалось решительное неприятие новой политической системы. Среди молодых были, впрочем, Вильгельм Моммзен, Франц Шнабель и Отто Беккер, выступившие в то время за укрепление республики⁴².

Последствия, которые данная ситуация имела для историографии, были очень различными. Кэлер, поддавшись эмоциям, в 1920–1930-е гг. заявил о своей приверженности «реалистическому пониманию истории», которое, по крайней мере, в написанной Кэлером биографии Вильгельма фон Гумбольдта, следует расценить как атаку на индивидуализм историков старшего поколения⁴³. Группа молодых историков — бывших фронтовиков обратились к истории немецкого народа. «Дом, в котором немецкая историческая наука обосновалась в дни Гумбольдта и Ранке», — пишет в 1931 г. данцигский историк Эрих Кайзер, — с увеличением числа учеников и изучаемых дисциплин, стал тесноват». Решение проблемы он, как и другие, — в основном представители «университетов приграничных стран», — видел в интеграции народнической («фёлькиш») идеи, евгеники и учения о расах в общий курс преподавания истории. Ибо, считал Кайзер, если немцы хотят и далее существовать как народ, они должны помнить «о корнях своей народности»⁴⁴. В этой связи, разумеется, неслучайно то, что именно представители молодежи обратились к изучению истории немецкого

Ein Historiker in der Zeit. Versuch über Fritz Hartung (1883–1967) // *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*. 1983. Bd. 32. S. 223.

⁴² *Schulin*. Weltkriegserfahrung. S. 177.

⁴³ *Kaeler S.A.* Wilhelm von Humboldt und der Staat. Ein Beitrag zur geschichte deutscher Lebensgestaltung um 1800. München, 1927.

⁴⁴ *Keyser E.* Die Geschichtswissenschaft. Aufbau und Aufgaben. München, 1931. О подоплеке обращения исследователей к истории народа см.: *Oberkrome W.* Volksgeschichte. Methodische Innovation und völkische Ideologisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918–1945. München, 1993.

народа, кроме того, они, по-видимому, отдавали предпочтение более радикальным решениям как в политике, так и в науке. Особенно это относится к поколению бывших молодых фронтовиков.

Одновременно с группой историков-народников, однако не в согласии с ними, а придерживаясь идей государственности, восходящих к Бисмарку и прусской государственной традиции, кенигсбергский кружок, сплотившийся вокруг Ханса Ротфельса, посвятил свои исследования особым условиям так называемой «зоны смешения народов» в Восточной Европе⁴⁵. В середине 1920-х гг. кружок под руководством мэтра усиленно занялся обоснованием тезиса о том, что «национальное государство западного типа» для Восточной Европы представляет собой лишь «чисто идеологический» конструкт. Реальность восточной приграничной зоны, аргументирует Ротфельс в 1932 г., невозможно охватить западной государственной и национальной идеей, так как там, на Востоке, «преобладает тип этнически смешанного сообщества». Все характеристики этой зоны, будь то географические, экономические, этнические или социальные особенности, противоречат государственному устройству Европы, утвержденному Версальским договором⁴⁶.

Занимаясь конкретными вопросами истории Первой мировой войны, бывшие фронтовики после 1919 г. также следовали различными путями. С одной стороны, можно указать критическую работу Мартина Хобом «Социальные изъяны в армии как одна из причин германской катастрофы», в ней автор со всей возможной резкостью заклеивал ошибки и просчеты командования и третирование солдат, которое он испытал и на себе. В этом экспертном заключении, появившемся в результате работы следственной комиссии Конституционного учредительного собрания, Хобом пытается привлечь внимание к социальной несправедливости и офицерским привилегиям в кайзеровской, классово-по характеру, армии. Он опирается на документацию, которая в 1920-х гг. еще была доступна, и отмечает нараставшее недовольство рядового состава. Хобом высказывает мысль о том, что моральный упа-

⁴⁵ См. *Mommsen H. Kommentar // Versäumte Fragen. Deutsche Historiker im Schatten des Nationalsozialismus / Hg. R. Hohls, K. Jarausch. München, 2000. S. 171.*

⁴⁶ *Rothfels H. Bismarck und die Nationalitätenfragen des Ostens // Rothfels. Preußentum. S. 66; Haar I. «Revisionistische» Historiker und Jugendbewegung. Das Königsberger Beispiel // Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945 / Hg. P. Schöttler. Göttingen, 1997. S. 52–103.*

док в войсках привел государство и военный аппарат власти к утрате легитимности⁴⁷.

В то же время, имеется работа Ханса Херцфельда «Немецкая социал-демократия и крах единого национального фронта в ходе мировой войны». Автор хотел, чтобы его работу рассматривали как исследование «истории процесса внутреннего разложения» в Германии военных лет. Он приходит, в частности, к выводу, что без «сознательной работы революционных активистов» пассивное недовольство в народе не вылилось бы в революционный «мятеж против борьбы нации за существование». «Краха единого национального фронта», по глубочайшему убеждению Херцфельда, стал решающей причиной поражения Германии. Херцфельд излагает приправленную научным гарниром редакцию мифа об «ударе кинжалом», который с 1918 г. в самых разных версиях обсуждался немецкой общественностью⁴⁸.

Г. Риттер занимал как бы промежуточное положение в системе этих взглядов. До завершения кризиса в Рурской области в 1923–1924 гг., собственно, нельзя сказать, что этот историк занимался серьезным научным исследованием Первой мировой войны. В первые послевоенные годы он считал своей политической задачей участие в борьбе против политических последствий Версальского договора. Поэтому Риттер выступил как агитатор на выборах в Немецкую национальную народную партию и, став известным публицистом, возглавил крестовый поход против сепаратистских устремлений юго-западных областей Германии. Однако в рамках этой, по существу, политической деятельности он вскоре выработал убеждения, которые в последующие десятилетия легли в основу его работ о мировой войне. Так, например, еще в 1920 г. он писал о «неизбежности германской мобилизации перед лицом вооружения русских», о «ненадежности австрийских союзников» и — мы не приводим весь длинный

⁴⁷ *Hobohm M.* Soziale Heeresumißstände als Teilursache des deutschen Zusammenbruchs von 1918 // Das Werk des Untersuchungsausschusses 1919–1930. Hg. im Auftrage des Reichstages. 4. Reihe. Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs 1918. 2. Abt.: Der innere Zusammenbruch, Bd. 11. H. 1. Berlin, 1929. «Обобщенное рассмотрение» Хобома недавно переиздано, см.: *Wette* (Hg.) *Der Krieg des kleinen Mannes*. S. 136–145.

⁴⁸ *Herzfeld H.* Die deutsche Sozialdemokratie und die Auflösung der nationalen Einheitsfront im Weltkriege. Leipzig, 1928. S. 189–195. О создании легенды «кинжального удара» см.: *Krumeich G.* Die Dolchstoß-Legende // *Deutsche Erinnerungsorte* / Hg. H. Schulze, E. Francois.

список его аргументов — о «твердом намерении Англии любой ценой сломить германский милитаризм»⁴⁹.

Указанные факторы обусловили то, что уже в начале 1920-х гг. Риттер также отстаивает тезис о неотвратимости «катастрофического процесса», который и привел к мировой войне. Вопрос о виновности в развязывании войны, однако, не находился в центре его внимания после 1923 г. В относительно спокойные времена Веймарской республики Риттер старался обосновать невозможность взаимопонимания между Великобританией и Германской империей в период до 1914 г., стремился показать старые корни и последовательный характер гегемонистских притязаний Франции, но в целом область его научных о интересов была теперь иной — его занимала история немецкого гуманизма и Реформации, а также прусские реформы, в том числе преобразования барона фон Штайна. Именно этим вопросам посвящены важнейшие труды Риттера.⁵⁰

Но некоторые публикации, подготовленные Риттером после 1923 г., недвусмысленно свидетельствуют, что в сознании историка не потускнели воспоминания о Первой мировой войне, и это особенно очевидно, если учесть значительную временную отдаленность тем и проблем его исследований от актуальных событий, происходивших в Веймарской республике. Многочисленные случаи явного осовременивания материала, как и неявные отсылки, говорят о том, что историк в своем труде перерабатывал еще свежие воспоминания о войне, размышляя о последствиях поражения. С другой стороны, в биографии Мартина Лютера, написанной Риттером в 1925 г., есть замечание о том, что люди давно разучились задаваться вопросом о «виновности» индивида, «коль скоро речь идет о сверхличном, историческом роке... Народ, пышущий природной, еще бесформенной, неукротенной силой, как политическое целое парализованный, почти изувеченный — в силу переплетения вины и судьбы, исторического бремени, внешних препятствий, неспособности собственных его граждан, такой народ не в состоянии разрешить средствами порядка социальную напряженность, возникшую в его недрах и давно ставшую невыносимой»⁵¹. Что

⁴⁹ ВАК, Nl. Ritter, 1166/430. (Рукопись речи озаглавленной «Виновность в войне».)

⁵⁰ Обратившись к этой тематике, Риттер приобщился к серьезным историографическим разногласиям, происходившим тогда среди его коллег. См.: *Faullenbach B. Ideologie des deutschen Weges. Passim.*

⁵¹ *Ritter G. Luther. Gestalt und Symbol. München, 1925. S. 118.*

это — анализ «бурных лет», наставших после 1522 г., или все-таки мысли о 1919 г.? Сразу после накала политических страстей в связи с так называемым «Рурским сражением» эти размышления привели Риттера к особому акцентированию резкой противоположности между немецким и западноевропейским «характером», которую Риттер интерпретирует преимущественно как противоречие историческое и духовное по сути⁵².

Аналогичным образом поступает Риттер и в двухтомной биографии барона фон Штайна, — фрайбургский историк Генрих Финке отмечал, что при чтении у него то и дело возникали мысли о современной ситуации⁵³. Это объясняется многочисленными, по большей части скрытыми, намеками на политику современности. Например, помня разногласия по вопросу о репарациях, Риттер в 1931 г., когда была опубликована биография фон Штайна, раздраженно пишет о «форме нищенского попрошайничанья у могущественных зарубежных господ, особенно у столь презираемых обычно парижских властителей». Кроме того, риттеровский образ фон Штайна — «воспитателя нации» во многом происходит от осознания историком своей миссии: несмотря на военное поражение Германии, противопоставить что-то положительное все более нараставшей разочарованности немецкого населения. В этом смысле не только Риттеру буквально напрашивалось сравнение «почти одинаковых вынужденных политических ситуаций» — после 1806 и после 1919 г.⁵⁴

Однако в трудах Риттера, написанных после 1919 г., бросается в глаза то, что Первая мировая война не стала для него предметом исторического изучения. Как и многие другие историки его поколения, после 1918–1919 гг. о войне и своих военных впечатлениях он публично не высказывался. Очевидно, именно молчание «красноречивей всяких слов» свидетельствовало о том, как интенсивно занимался своим собственным военным прошлым представитель фронтового поколения. Недавние дискуссии об историографии показали, что подобное молчание отнюдь не было феноменом, исключительной характерной чертой историков — бывших участников Первой мировой войны.

⁵² Ibid. S. 154. О причинах см.: *Faulenbach B. Ideologie des deutschen Weges.* S. 125–131.

⁵³ Письмо Г. Финке к Г. Риттеру от 8 июля 1931 г. ВАК, Nl. Ritter, 1166/127.

⁵⁴ *Ritter G. Stein. Eine politische Biographie.* Bd. 2. Stuttgart 1931. S. 12. О пробуждении после Первой мировой войны интереса историков к периоду после 1806 г. см.: *Faulenbach B. Ideologie des deutschen Weges.* S. 140–151.

После 1945 г. многие представители этого поколения, молодые солдаты Первой мировой войны, умалчивали о своем участии во властных структурах нацистского режима⁵⁵.

Рост числа научных исследований о Первой мировой войне в годы нацизма

Молчанию историков о Первой мировой войне настал конец в 1935 г., то есть в год возобновления всеобщей воинской обязанности. Можно с большой точностью установить временные рамки этого процесса, а в случае отдельных ученых даже точно датировать его. До сих пор этому явлению не уделялось достаточного внимания, хотя синхронность вдруг прорезавшихся голосов в высшей степени примечательна. Можно, исходя из этого, установить, что внешнеполитические успехи А. Гитлера в первые годы его режима оказали явное стимулирующее воздействие на немецких историков, и они, будто от чего-то освободившись, обратились к той фазе национального прошлого и тем специфически-личным воспоминаниям, о которых в течение многих лет умалчивали, а кто-то и сознательно старался вытеснить из своей памяти. Присоединение Австрии к гитлеровской Германии в марте 1938 г. стало первым кульминационным моментом в новом пересмотре истории, который эйфорически приветствовал берлинский историк Вильгельм Шюсслер: «Все же великолепная судьба: созвучие человека и судьбы! Государственный муж, достойный исторического часа! Я надеюсь, что это впечатление необратимости и окончательности покорит весь мир. Да, ныне завершается великая немецкая революция, которая началась в 1914 г. и которая сделает нас окончательными победителями в мировой войне»⁵⁶. Лишь после военной победы над Францией в июне 1940 г. одобрение нацистского режима со стороны населения, а равно и историков стало еще большим, чем в марте 1938 г. Даже Риттер, в целом настроенный критически по

⁵⁵ *Koselleck*. Der Einfluß der beiden Weltkriege. S. 324. О молчании историков после 1945 г. см.: *Deutsche Historiker im Nationalsozialismus; Versaumte Fragen*.

⁵⁶ Письмо В. Шюсслера к Србику от 13 марта 1938 г. *Srbik. Briefe*. S. 485.; *Srbik. Deutsche Einheit und gesamtdeutsche Geschichtsbetrachtung. Aufsätze und Reden*. Stuttgart, 1937. О реакции немецких историков на присоединение Австрии см.: *Schönwälder K. Historiker und Politik*. Frankfurt, 1992. S. 127–130.

отношению к режиму Гитлера, на время перестал чувствовать свою отчужденность от властителей⁵⁷.

«Поворот» Риттера к исследованию Первой мировой войны можно датировать точно. С середины 1930-х гг. война оказалась в центре внимания его работ. Характерным можно считать такой пассаж из военных воспоминаний Риттера, написанных им в 1935 г. «Война началась для меня только в 1915 году. Самым тяжелым, самым ужасным впечатлением тогда было: столько страданий, столько мук, столько смертей — и все напрасно. И вдруг это впечатление исчезло. Наши жертвы были принесены, но эти жертвы почитаемы, эти безмерные жертвы вызвали уважение в мире. <...> Воспоминания перестали быть невыносимыми. Как бы то ни было, нынешний режим это осуществил». Примерно в то же время, в январе 1936 г., Риттер впервые изучает и свои собственные письма с фронта, которые писал родным в 1915–1918 гг. Об этом он упоминает в письме к матери: «Я сам немало был удивлен — ведь чего там [в письмах. — *Ред.*] только нет, и все это теперь ожило: люди, местности, война — тысяча вещей, о которых я давно позабыл. Более двадцати лет мы молчали, теперь же у людей появилась внутренняя возможность рассказать, ибо уже не начертано надо всем этим “напрасно”»⁵⁸. Вряд ли можно найти более точное определение этой психологической ситуации — как по содержанию, так и во времени. Лишь в середине 1930-х гг. фрайбургский историк чувствует, что может обратиться к воспоминаниям о своем прошлом — о Первой мировой войне.

И это был не единичный случай среди немецких историков военного поколения — то же самое характерно для Германа Аубина, Ханса Херцфельда и Зигрфрида Кэлера. Аубин, например в 1937 г., в исследовании, посвященном различным типам организации немецкого войска, недвусмысленно указывает на то, что Гитлер покончил с «проклятьем немецкой незащитности». Только теперь, пишет он, можно чувствовать «большую внутреннюю свободу» и исследовать изменчивое соотношение «противящихся сил и зачастую слабой оборонительной армии», к которому привел весь ход немецкой истории. Немного позднее, в 1938 г., Аубин услужливо подготовил сборник статей, озаглавленный «О пространстве и границах немецкого народа», в котором

⁵⁷ О настроениях немецкой общественности в 1938 и в 1941 гг. см.: *Kershaw I. Der Hitler-Mythos: Führerkult und Volksmeinung. Stuttgart, 2000. S. 161.*

⁵⁸ ВАК, Nl. Ritter, 1166/414, Kriegserlebnisse; Письмо Г. Риттера к матери от 14 января 1936 г. Ibid. 1166/458,

снова обнародовал свои изыскания по истории немцев, предпринятые после окончания Первой мировой войны. В этих исследованиях заметна связь как с событиями Первой мировой войны, так и политикой Гитлера. Если период с 1914 по 1918 г. «сплотил в единый фронт борьбы и голода» немцев в империи и за ее пределами, то теперь «с сердцем преисполненным благодарности» они достигли единства, которого жаждали с 1919 г., и теперь оно стало реальностью государства, возглавляемого Гитлером⁵⁹.

Если Аубин «перерабатывал» свой военный опыт косвенным образом, в рамках исследований по истории немецкого народа, то Кэлер и Херцфельд подошли к теме непосредственно. Оба занялись историей Первой мировой войны в середине 1930-х гг. Так, в 1935–1936 учебном году они совместно прочитали лекцию о войне, Херцфельд при этом поставил задачу рассматривать Первую мировую войну как «вводную стадию европейской мировой революции». Однако этот замысел историка — еврея по происхождению — не был воплощен — в 1938 г. нацисты «попросили» его оставить должность. Но до своего ареста в 1943 г. он все же мог продолжать исследовательскую работу в качестве сотрудника Военно-исторического научного учреждения войска в Потсдаме⁶⁰.

Герхард Риттер в «Третьем рейхе» имел, можно сказать, неограниченные возможности публиковать свои работы. И он использовал их, чтобы глубоко изучить принципиальный по его мнению вопрос об отношениях между политикой и ведением войны, о котором его научный руководитель Герман Онкен еще в 1928 г. высказал некоторые важные соображения⁶¹. Исходя из них, Риттер с середины 1940 г. занимался разработкой важнейшей проблемы, которая стала центральной в его четырехтомном труде «Государственное искусство и военное ремесло», а именно об отношении политической и военной мысли начиная с эпохи Фридриха Великого⁶². Имелся и весьма серьезный внешний повод для этого исследования. Бывший ученик Риттера, профессор философии в Бреслау Август Фауст, в середине 1940 г. призвал своего

⁵⁹ *Aubin H.* Wehrkraft, Wehrverfassung und Wehrmacht in der deutschen Geschichte. Breslau, 1937. S.3 f.; *Von Raum und Grenzen des deutschen Volkes. Studien zur Volksgeschichte.* Breslau, 1938. S. III–VII.

⁶⁰ *Ritter G.A.* Hans Herzfeld. S. 28–30, 34–35.

⁶¹ *Oncken H.* Politik und Kriegsführung. München, 1928. Corneliëßen Ch. Ritter G. Kap. XIII.

⁶² *Corneliëßen Ch.* Gerhard Ritter. Kap. XIII.

учителя принять участие в общем проекте в рамках программы «Военная мобилизация гуманитарных наук»; Риттеру предлагалось дать в сборник статью об изменениях в ведении войн, начиная со времен Фридриха Великого⁶³. Сегодня, глядя со стороны, может показаться иронией истории то, что именно из этой статьи, вошедшей в пропагандистский проект нацистов, постепенно вырос труд, в котором Риттер поставил перед собой цель провести критический анализ германского милитаризма.

То, что такой анализ вообще состоялся, не в последнюю очередь объясняется тем, что фрайбургский историк, по его собственным словам, вскоре сделался буквально «одержимым» темой⁶⁴. Его «одержимость» понятна: бывший солдат фронтовик Первой мировой войны наконец решил дать самому себе полный отчет за столь важный период своей жизни, завершившийся крушением политических и моральных убеждений юности. Оживление воспоминаний о Первой мировой войне в связи с конкретным опытом современных и совершенно новых для Риттера военных событий, разыгрывавшихся с 1939 г., побудило историка в поисках подходящей модели обратиться к теме власти и политики при Фридрихе Великом и его последователях. Риттер задумал исследовать «взаимное отношение власти и права, правил борьбы и порядка мира», как сам он писал в 1942 г. в журнале «Мир дела» («*Tatwelt*»)⁶⁵.

Названные выше вопросы, подчеркнем, ставились не только в работах Риттера. Зигфрид А. Кэлер в 1937 г. выступил с докладом на тему «Состояние обороны и народ в Германии в период от Освободительных войн до Первой мировой войны». Он рассмотрел отношение государства и вооруженных сил, а также взаимопроникновение концепций государства и армии⁶⁶. В. Моммзен, который в годы Веймарской республики отличался леволиберальными взглядами, в период Второй

⁶³ *Hausmann F.-R.* «Deutsche Geisteswissenschaft» im zweiten Weltkrieg. Die «Aktion Rittersbusch» (1940–1945). Dresden, 1998. S. 223–227.

⁶⁴ Письмо Г. Риттера к Г. Онкену от 27 февраля 1941 г. *Ritter. Briefe*. S. 363.

⁶⁵ *Ritter G.* Machtkampf und Friedensordnung. Eine historische Betrachtung // *Die Tatwelt* 18 (1942). S. 123–131; Vom Doppelsinn des Politischen // *Deutsche Rundschau*. Januar 1942. № 68. S. 4–10.

⁶⁶ *Kaeler S.* Wehrverfassung und Volk in Deutschland von den Freiheitskriegen bis zum Weltkriege // *Mitteilungen des Universitätsbundes Göttingen*. 1937. Bd. 18. S. 1–17. Единственной уступкой Кэлера «духу времени» было его утверждение, что народ обязан «фюреру» восстановлением обороноспособности страны. См. об этом: *Bußmann*, S. 71.

мировой также скатился к подобной постановке вопроса. В короткой статье «Политика и ведение войны», написанной в январе 1940 г., он рассматривает проблематику перехода от войн правительственных кабинетов к войнам народным. В результате такого превращения, разъясняет Моммзен, принципиально иным стал характер войны вообще: «Активная воля народа должна быть опорой войны, в противном случае все отдельные успехи напрасны». Но как раз этот пункт, с точки зрения Моммзена, и стал роковым для немцев во время Первой мировой войны, ибо несомненна и очевидна тогдашняя «полная несостоятельность единого руководства». На Западе же такие личности, как Клемансо и Ллойд Джордж, обеспечили адекватное единство⁶⁷.

Впрочем, наряду с этим взглядом, который, кстати, разделяли другие историки поколения фронтовиков, Моммзен в 1940 г. выразил готовность связать свои рассуждения с решительной защитой характера немецкого солдата: в нем всегда видели лишь «жесткое исполнение долга», однако в отличие от «других», солдатская служба является «для нас, немцев, выражением, в конечном счете, нравственно-политической позиции по отношению к государству и народу». Именно в тот момент, когда немецкий вермахт бодро поднимался к вершинам своих военных успехов, марбургский историк не устоял перед искушением заявить о личной лояльности нацистской власти: «В нашем народе, народе всеобщей воинской обязанности, сегодня окончательно перестала существовать противоположность между политикой и ведением войны, между солдатом и политиком. Став народом политических солдат и солдатских политиков, мы победим!»⁶⁸ В. Моммзен пребывал во власти серьезного заблуждения, оценивая ситуацию, что очевидно объясняется его идеалистически окрашенными воспоминаниями о собственном военном опыте. После 1945 г. ему пришлось жестоко поплатиться за эту ошибку⁶⁹. Такое же ослепление и преданность иллюзиям можно обнаружить у многих бывших фронтовиков Первой мировой войны.

Г. Риттер, придерживавшийся консервативных политических взглядов, с середины 1930-х гг. занял позицию неприятия нацистского режи-

⁶⁷ Mommsen W. Politik und Kriegsführung. S. 19.

⁶⁸ Ibid. S. 23.

⁶⁹ О жизненном пути В. Моммзена после 1945 г. см.: Nagel A.-Cb. «Der Prototyp der Leute, die man entfernen soll, ist Mommsen». Entnazifizierung in der Provinz oder die Ambiguität moralischer Gewißheit // Jb. zur Liberalismus-Forschung. Bd. 10. S. 55–91.

ма, которая проистекала не в последнюю очередь из его религиозности. Однако в 1940 г. он вел себя более осторожно, чем его марбургский коллега. В моммзеновской интерпретации преобразования «войны кабинета в войну народа» Риттер обратил внимание на пренебрежение тем фактом, что существование «чистого воинства», кумира нацистского государства, чревато опасностями⁷⁰. Для самого Риттера именно по причине открытого попрания права при нацистской диктатуре чрезвычайную важность приобрел вопрос об отношении власти и права, этот вопрос мучил его как чисто личный, и в своем многотомном труде он искал на него ответа. Первый том исследования, которое задумывалось как двухтомное, Риттер завершил в октябре 1944 г. Но по различным причинам публикация состоялась лишь в 1954 г. Три последующих тома вышли в 1960–1968 гг.

Немецкие историки — бывшие фронтовики о Первой мировой войне (в период 1945–1960 гг.)

Из-за инициированной Фрицем Фишером в конце пятидесятых годов дискуссии о немецком «рывке к мировому господству» впоследствии нередко забывали, что в предшествовавшей фазе, то есть с 1945 по 1959 гг., истолкование истории Первой мировой войны поначалу во многом определялось воззрениями историков, принадлежавших к поколению фронтовиков. В первую очередь следует назвать фундаментальный труд Риттера «Государственное искусство и военное ремесло». Каждый из четырех, весьма разных по характеру, томов этой работы рассматривает тесное переплетение политического опыта того времени и политической историографии, начиная с 1940 г. и до смерти фрайбургского историка в июле 1967 г. В рассуждениях Риттера отчетливо прослеживается взаимная зависимость претерпевшего изменения опыта историка, и его метода. Вне всякого сомнения, Риттер в конце указанной фазы все более отходил от настроений, господствовавших тогда в немецкой общественности. Непреклонное утверждение «немецкой картины истории» или высказывание об «известных политических модных течениях в сегодняшней Германии, согласно которым всякая форма немецкой великодержавной политики, в том числе

⁷⁰ См. принадлежавший Риттеру рукописный экземпляр книги Моммзена: *Mommsen W. Politik und Kriegsführung*. В аннотации Риттер пишет: «Но ведь оно уже стало опасным. Чистое воинство!» NL. Ritter. UB Düsseldorf.

и в эпоху европейского империализма, является просто отвратительной» (из доклада Риттера на Венском международном дне историка в 1965 г.) привели ученого в лагерь меньшинства, — подобные взгляды в то время разделялись лишь очень немногими консервативными историками⁷¹.

Но здесь можно усмотреть и результат длительного процесса создания риттеровской «Истории немецкого милитаризма», в которой автор после 1940 г. анализирует историю Первой мировой войны, сравнивая ее с «тотальной войной», происходившей как раз во время написания книги. Правда, в значительной мере анализ опирался на ценности, которым Риттер был привержен в молодости и в свои солдатские годы во время Первой мировой войны. На них он и попытался после 1945 г. основать свое понимание истории⁷². Совмещение и смешение выводов, сделанных Риттером из опыта той и другой войны, заметно и в предложенном историком определении милитаризма. В качестве критериев он называет не только принятие политических решений в одностороннем порядке и подчинение их военным соображениям, но еще и «одностороннее преобладание воинственных, боевых черт в основной политической позиции государственного деятеля или целой нации». В 1946 г. Риттер писал: «Под “милитаризмом” и “национализмом” я понимаю позицию, когда... принципиально видят и признают лишь притязания на жизнь своей собственной нации, а притязания на жизнь других народов не признают, и не желают или оказываются неспособными входить в более высокое наднациональное сообщество»⁷³. Очевидно, это определение появилось на свет исключительно благодаря личному опыту фрайбургского историка, немало претерпевшего в «Третьем рейхе».

Конкретная формулировка своего определения милитаризма была уточнена Риттером после прочтения вышедшего в 1937–1938 гг. серьезного исследования Альфреда Фатса о милитаризме, хотя автор прислал свое сочинение Риттеру на рецензию лишь спустя десять лет, в 1948 г.

⁷¹ Ritter G. Die politische Rolle Bethmann Hollwegs während des Ersten Weltkrieges // Comité International des Sciences Historiques. 12 Congrès International des Sciences Historiques, Bd. 4., Wien, 1965. S. 277.

⁷² Corneliessen Ch. Gerhard Ritter. Kap. XIII.

⁷³ Письмо Г. Риттера к Э. Эккертю от 8 июля 1946 г. Ritter. Briefe. S. 414. Об обосновании Риттером определения милитаризма см.: Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Bd. 1. 4. Aufl. München, 1970. S. 13–24, 397–400.

Характерно для позиции Риттера то, что, по его мнению, Фэгтс переоценил в своей книге значение социально-экономических факторов, тогда как необходимо считаться еще и с «подлинными нравственными побуждениями, ведь в сфере военной стихии в них никогда не было недостатка». Солдат-фронтовик и офицер Первой мировой войны все еще не желал расстаться с «ценностями прошлого», которые считал позитивными. Этим объясняются и языковые приемы самоидентификации Риттера и других историков фронтового поколения, постоянно писавших «мы» и «наш, наше», что свидетельствует об их стремлении сократить дистанцию между собой и своим объектом. Риттер последовательно придерживался этих языковых форм, не отказавшись от них даже тогда, когда исследования ученых разных стран о Первой мировой войне уже начали учитывать роль факторов социального и экономического характера.

В этот период оказалось, что давние личные воспоминания историков-фронтовиков о Первой мировой окончательно потускнели, на них все больше наслаивались знания и опыт, приобретенные в 1920–1930-е гг. и особенно при национал-социализме. Наиболее впечатляющий пример — научное творчество Ханса Херцфельда. Несмотря на проводившуюся нацистами с 1933 г. политику расовой дискриминации он поначалу еще пытался «утвердиться ... в должности», однако с 1938 до 1945 гг. был лишен возможности высказываться и подвергался гонениям. После ареста и заключения в феврале 1943 г. в мировоззрении бывшего немецкого националиста Херцфельда происходит решительный переворот, он, наконец, приходит к убеждению, что «Германия должна будет искать совершенно новых путей развития»⁷⁴. В 1968 г. Херцфельд опубликовал очерк «Первая мировая война», в котором с очевидностью прослеживается новый взгляд на вещи. Чувствуется старание автора расширить кругозор немецких историков, все еще приверженных национализму, и в то же время поместить в центр рассмотрения вопросы социальной и экономической истории. Однако можно заметить и еще одно весьма примечательное отражение жизненного опыта представителя фронтового поколения Первой мировой войны, в 1968 г. Херцфельд открыто об этом заявляет, вспоминая о своем прошлом «добровольца и офицера на войне». Он пишет, что с тех пор «значительно отдалился от этих ранних впечатлений, а также взглядов», однако поэтому и не может примириться с самоуверенностью

⁷⁴ Ritter G.A. Hans Herzfeld. S. 35, 42 f.

молодежи, возомнившей, будто она приближается к истине, находясь в «строго оберегаемом уединении за письменным столом»⁷⁵.

Что касается Г. Риттера, он не пошел по пути расширения исследований о Первой мировой войне за счет привлечения вопросов социальной и экономической истории. Существенную роль здесь сыграло то, что Риттер не мог и не хотел участвовать в «модификациях форм» историко-политического мышления, которые наметились в 1960-х гг., — его жизненный опыт после 1918 г. был иным⁷⁶. Риттер продолжал работать в русле историографии, определявшейся чисто политическими проблемами, его изложение истории отличается почти чрезмерным обилием источников и отображает «великую политику европейских правительств» и отчасти политику Соединенных Штатов во время войны. Но, по субъективной оценке самого Риттера, как раз в этом для него и заключалось суть дела — в исследовании «превращения войны кабинета в войну народа». Как раз здесь он надеялся найти решение важнейшей проблемы — «антиномии политики (или двойного смысла политики)», то есть проблемы, которая, в конечном счете, была главным уроком периода нацизма.

Развитие Дейо как ученого обнаруживает весьма примечательные параллели с судьбой Херцфельда, а именно то, что весь предшествующий опыт — вынужденное дистанцирование от своего народа при нацизме, после войны привел к противоположному стремлению — к денационализации немецкой исторической картины. После 1933 г. марбургский историк пришел к горькому выводу, что окружавшие не признавали его своим соотечественником или, по выражению того времени, немецким товарищем («*Volksgenosse*»)⁷⁷. Прежде настроенный националистически и консервативно, после Второй мировой войны Дейо вступил на путь решительной критики национальной традиции. Его взгляды, изложенные в 1948 г. в книге «Равновесие и гегемония», где он трактует Первую мировую войну как этап длительной борьбы за гегемонию в европейской системе власти, в то же время отличаются

⁷⁵ *Herzfeld H.* Der Erste Weltkrieg. 5. Aufl. München, 1979. S. 7. О причинах и условиях длительного изучения Херцфельдом социально-экономических факторов Первой мировой войны см.: *Ritter G.A.* Hans Herzfeld. S. 29 f.

⁷⁶ См. о формальных изменениях историко-политической мысли: *Mommsen W.J.* Die deutsche Kriegszielpolitik 1914–1918 // *Kriegsausbruch 1914 / Hg. W. Laqueur, G.L. Mosse.* München, 1967. S. 74.

⁷⁷ Письмо Дейо к Кэлеру от 15 мая 1933 г. *Kaeler. Briefe.* S. 237 f.

критичностью по отношению к внешней политике императора Вильгельма, то есть явно противопоставляются традиционализму Риттера⁷⁸. Дейо, кроме того, указывает на сращение германской внешней и внутренней политики, которое в результате привело к неверным расчетам военных рисков Германии и ее союзников. В ряде статей начала 1950-х гг. на ту же тему Дейо еще больше усиливает критику германской политики. Завершилась она тезисом о том, что внешняя политика Германии до 1914 г., подведившая страну к войне, должна рассматриваться как последствие неразрешенного напряжения между социальной структурой и политической системой Германской империи⁷⁹. При такой трактовке Дейо неизбежно оказывался противником Г. Риттера, который в своем анализе мировой войны даже после 1945 г. остался верен национализму своих молодых лет, что совершенно очевидно. В работах фрайбургского историка, как заметил еще Дейо, проявилась позиция оборончества, которая, вероятно, не в последнюю очередь обусловлена опытом фронтовика, сражавшегося в годы Первой мировой войны. В работах Риттера это привело к тому, что противопоставление политики и военных действий, задуманное им, в сущности, как структурно-историческое, постоянно уступает место злободневной, политически мотивированной полемике, в которую Риттер втянулся после 1945 г.⁸⁰

С точки зрения методики и содержания, результат его исследования Первой мировой войны нельзя считать однозначным. Уже Клаус Швebe отметил, что в ходе дискуссии Фишера Риттер все охотнее интерпретировал политику М.А. Бетмана-Гольвега в качестве отражения действия вневличностных структур, тогда как якобы приверженный социально-исторической аргументации Фишер, напротив, постоянно подчеркивал самостоятельность личности рейхсканцлера⁸¹. Можно продолжить эту

⁷⁸ *Debio L.* Gleichgewicht und Hegemonie. Krefeld, 1948. S. 309 f.

⁷⁹ *Debio L.* Ranke und der deutsche Imperialismus // *Historische Zs.* 1950. Bd. 170. S. 307–320; Deutschland und die Epoche der Weltkriege // *Historische Zs.* 1952. Bd. 173. S. 77–94; Gedanken über die deutsche Sendung 1900–1918 // *Historische Zs.* 1952. Bd. 174. S. 479–502. О воззрениях Дейо см.: *Beckers Tb.* Ludwig Dehio und Kriegsraison — das Problem des Militarismus in Deutschland // *Historische Zs.* 1955. Bd. 180. S. 43–64.

⁸⁰ *Debio L.* Um den deutschen Militarismus. Bemerkungen zu G. Ritters Buch «Staatskunst und Kriegsraison — das Problem des Militarismus in Deutschland» // *Historische Zs.* (1955). Bd. 180. S. 43–64.

⁸¹ *Schwabe K.* Vorwort // Ritter. Briefe. S. 147 f.

мысль: Риттер собрал элементы для истории ментальности немецких правящих кругов, однако не свел отдельные элементы в систему. Поскольку его понимание истории было элитарным, он сосредоточился исключительно на «государственных деятелях» и видных военачальниках. Понятно, что его четырехтомный труд во многом носит характер классического исследования по истории дипломатии. Тем не менее, когда Риттер обсуждает «фатализм веры в неизбежность великих войн», свойственный политической и военной верхушке, он представляет также материалы, которые впоследствии оказали значительную помощь исследователям, занимавшимся понятием «молчаливого принятия» («unspoken assumption») (Дж. Джолл) или «тезисом о неизбежности войн» (В. И. Моммзен). Кроме того, Риттер затронул множество тем, которые лишь впоследствии исследовались более глубоко. Это, например, тема принудительной депортации бельгийских невоеннообязанных рабочих во время Первой мировой войны, явление, которое Риттер в 1964 г. квалифицировал как практику настоящего «невольничьего рынка»⁸².

Обобщая материал о формах, важнейших направлениях и состоянии исследований по истории Первой мировой войны, предпринятыми ее бывшими участниками, можно подвести следующий итог. Представленные историками фронтового поколения труды подверглись ретроспективному воздействию их собственных воспоминаний о войне. В дальнейшем наблюдалась некоторая трансформация, которая вела от начальных, сильно эмоционально окрашенных подходов и оценок к постепенному научному обоснованию изучения истории войны. Но для того, чтобы научное исследование вообще состоялось, потребовалась психологическая «атака», разблокировка. Только после прихода к власти нацистов и мнимо-успешного пересмотра положений Версальского договора большинство историков — бывших фронтовиков почувствовали, что настало время интенсивной разработки вопросов истории Первой мировой войны, участниками которой они были. Однако не только в случае Риттера на научную работу повлияли знания и система ценностей, которые во многом восходили к жизненному опыту

⁸² О дальнейших исследованиях истории Первой мировой войны см.: *Krumreich G. Kriegsgeschichte im Wandel // «Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch...» Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs / Hg. G. Hirschfeld u.a. Essen. 1992. 11–24; Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse / Hg. W. Michalka. München, 1994.*

военных лет. В частности, вследствие этого процесса историографии Первой мировой войны до 1960-х гг. в Германии была свойственна «аура аутентичности», — с точки зрения тех, кто был участником войны или очевидцем ее событий. Труд Риттера «Государственное искусство и военное ремесло» в этом отношении представляет собой апофеоз и в то же время завершение соответствующего периода историографии.

Вместе с тем, в работах историков-фронтовиков можно выявить влияния новых впечатлений и опыта, появившихся после 1919 г. В итоге это привело к смешению в их работах по Первой мировой войне актуальных моментов и пережитого в 1914–1919 гг. Изучавшим мировые войны впоследствии снова и снова приходилось разделять эти временные пласты, чтобы получить непредвзятое впечатление о фазе начала войны и о дальнейшем ее ходе после августа 1914 г. В этом состояла одна из причин конфликта поколений в немецкой исторической науке, который открыто проявился в начале 1960-х гг. в рамках дискуссии Фишера.

Перевод Г.В. Снежинской